

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

© 2003 г. Н. В. ПЕТРОВА

ТЕКСТ И ДИСКУРС

Анализ специальных работ показывает, что понятие "текст" имеет сегодня как узкое, так и широкое значение. При узком или традиционном понимании, характерном для исследований филолого-лингвистического направления, под текстом понимается любое речевое высказывание независимо от объема, но непременно обладающее признаком завершенного смыслового единства и коммуникативной значимостью. Данные критерии могут быть применены как к отдельному слову, так и к предложению и даже к букве. Приведем рассуждения И. Н. Горелова и К. Ф. Седова: "Видим перед собой табличку "Выхода нет" (перед лестницей в метро). Вроде бы предложение, да еще очень пессимистичное. Но табличка эта висит перед лестницей в метро. Получается, что никакому пессимизму автор не предавался – просто указал, что именно в этом месте из метро выйти нельзя, надо искать место с табличкой "Выход". Казалось бы – одно слово, а содержит всю необходимую нам для данной ситуации информацию. Это – текст, как и многие другие тексты: "Осторожно!", "Не ходить!" (текст понятен, словесная часть как бы слита с несловесным фрагментом действительности – газоном или клумбой), "Продуктовый магазин", "Цветы", "Зоопарк". Несомненными текстами являются буквы "Т", "А", "М" (метро, например)" [Горелов, Седов 1997: 51–52].

В свое время О. И. Москальская также отмечала, что поскольку объем – это не характеристика текста, то этим термином могут быть обозначены различные речевые единицы. «Под "текстом" понимается, – писала О. И. Москальская, – с одной стороны, любое высказывание, состоящее из одного или нескольких предложений, несущее в себе по замыслу говорящего законченный смысл, а с другой стороны, такое речевое произведение, как повесть, роман, газетная или журнальная статья, научная монография, документы различного рода и т. п. В качестве текстов рассматриваются также части целого речевого произведения – главы, параграфы, абзацы» [Москальская 1981: 12].

В соответствии с изложенными наблюдениями, к которым также можно добавить точки зрения И. В. Арнольд [Арнольд 1999], М. А. К. Хэллидея [Хэллидей 1980] и многих других авторов, число единиц, образующих текст, при его определении не является релевантным признаком. В связи с этим И. В. Арнольд обращала внимание на напрашивающуюся аналогию с математическим понятием множества. "Подобно тому, что в математике множество считается множеством, даже если оно содержит только один элемент, а возможны и пустые множества, так и в языке слово может состоять из одной только морфемы, предложение – из одного слова, а текст – из од-

ного предложения. Вероятность таких случаев невелика, но они не исключаются" [Арнольд 1999: 149].

В настоящее время термин "текст" перенесен на многие жизненные явления, причем под текстом не обязательно понимается связанное и законченное образование. Благодаря психоаналитическим теориям и, прежде всего, теориям З. Фрейда [Фрейд 1990], К.Г. Юнга [Юнг 1997], Дж. Лакана [Лакан 1977], в качестве текстов рассматриваются сновидения. Дж. Лакан однозначно утверждал, что "сон есть текст", поскольку он "структурирован как текст", хотя и не всегда сопровождается речью [Лакан 1977: 161]. П.А. Флоренский сновидения рассматривал как переход жизни человека из мира видимого в мир невидимый, утверждая, что "в нас самих жизнь в видимом чередуется с жизнью в невидимом". То, что сновидения есть тексты, следует из анализа сновидений с точки зрения их композиции и семантического наполнения: "сонная фантазия представляет нам ряд лиц, местностей и событий, целесообразно сцепляющихся между собой, т.е., конечно, не глубокой осмысленностью событий", "отдельные события, как бы ни казались они нелепыми, однако связаны в сновидении причинными связями", "сновидение ... приводит к некоторому заключительному событию, являющемуся развязкой и завершением всей системы последовательных причин и следствий" [Флоренский 2001: 3–8].

Э. Бенвенист тексты сновидений уподоблял художественным произведениям: «подсознание использует подлинную "риторику", которая, как и стиль, имеет свои фигуры»; «мы находим здесь и там все способы субституции, порождаемые табу: эвфемизм, намеки, антифразы, умолчание, литоту», а также метонимию, все виды метафор; «синтаксис» сновидений напоминает стилистический прием эллипсиса» [Бенвенист 1974: 126].

Термин "текст" используется также в семиотическом смысле. В качестве текстов рассматриваются, например, такие знаковые образования невербального происхождения, как произведения изобразительного искусства, музыкальные сочинения, немое кино, ритуальные действия [Горелов, Седов 1997: 281; Бахтин 1986: 51; Успенский 1995], и т. п. Иными словами, культура в целом, как это показано в работах Ю.М. Лотмана [Лотман 1999а, б], представляет собой текст в ее знаковом воплощении.

Широкое понимание термина "текст" утвердилось сравнительно недавно. Оно связано с ныне общей тенденцией трактовки культуры как сложного семиотического образования. Такой подход обусловлен развитием семиотики, науки о знаках, входящей к идеям Ч. Пирса [Reigse 1960]. Речь, конечно же, здесь идет о современной семиотике, хотя, как было установлено, семиотические идеи прослеживались в классической древнегреческой традиции, в работах Блаженного Августина и его последователей (подробно об истории семиотики, начиная с древних греческих мыслителей, см. у А.В. Кравченко [Кравченко 2001: 43–52]).

Напомним, что идея создания науки о знаках возникла не только у Ч. Пирса. Ф. де Соссюр [Соссюр 1977] сформулировал основы науки о знаках, предложив для нее термин "семиология". Однако, несмотря на общую идею создания науки о знаках, Ч. Пирс и Ф. де Соссюр по-разному представляли себе основания этой науки; разошлись они и в понимании знака. Ч. Пирсу и его последователям, в отличие от Ф. де Соссюра, свойственно широкое определение знака (под знаком понимается некий материальный носитель, представляющий другую сущность), распространяемое на разнообразные объекты: естественные и искусственные языки, неязыковые системы коммуникации, искусство, литературные произведения и т. д.

Вклад в развитие семиотической теории культуры внесли Ч. Моррис [Моррис 1983], Р. Карнап [Карнап 1959], Э. Кассирер [Кассирер 1983] и многие другие. В отечественной науке развитию семиотической теории культуры способствовало научное объединение исследователей, известное под названием Тартуско-Московской лингвистической школы. Особо следует выделить работы философов и литературоведов, прежде всего французской традиции, многие из которых постепенно перешли от структуральной к постструктуральной парадигме. С этим течением связаны та-

кие имена, как Р. Барт [Барт 1989; 1994], Ж. Делез и Ф. Гваттари [Делез, Гваттари 1990], Ж. Деррида [Деррида 2000а, б], Ю. Кристева [Kristeva 1967, 1978], М. Фуко [Фуко 1994; 1996; 1998].

При теоретическом осмыслении постструктурализма И.П. Ильин говорил о неоднородности данного научного направления, о смыкании постструктурализма с постмодернизмом (имеется в виду не литературное, а общеполитическое течение) и деконструктивизмом, об отсутствии четких границ между ними и вытекающей отсюда возможности использовать термины "постструктурализм", "постмодернизм" и "деконструктивизм" как близкие по значению [Ильин 1998: 44]. Чтобы не вносить терминологической путаницы, далее под постструктурализмом будем иметь в виду обобщенное название для разных научных течений, объединяемых по принципу более или менее единого научно-методологического подхода к осмыслению культуры, сложившихся в 70–80-х годах XX века на основе преодоления и трансформации структуральной парадигмы.

Основным постулатом семиотической теории культуры является положение о культуре как системе знаков. Согласно этому положению, каждая культура представляет собой определенную систему конвенциональных знаков. Естественный язык, язык математики, нотная запись и т.д. – примеры знаковых систем, при помощи которых осуществляется кодирование феноменов культуры, хранение знаний человека о мире. Феномены культуры становятся, таким образом, знаковыми сущностями, в которых внешне воспринимаемая форма наделена значением, однако доступ к значению является уделом посвященных, т.е. тех, кто владеет знаниями о кодировании и декодировании семиотических систем. В связи со сказанным, можно утверждать, что культурные знаки – это знаки, наделенные неким тайным значением [Сакун 2001: 249].

Положение о культуре как знаковой сущности ведет к тому, что все явления культуры мыслятся как тексты. Идеолог концепции сплошной текстуализации, или теории "текста без берегов" Ж. Деррида, утверждает: "Для меня текст безграничен. Это абсолютная тотальность ... Это означает, что текст – это не просто речевой акт. Допустим, этот стол для меня текст. То, как я воспринимаю этот стол, – долигвистическое восприятие – уже само по себе для меня текст" (цит. по В.Е. Хализеву : [Хализев 2000: 246]). Поскольку культура и все, что существует в мире, есть текст, субъект неизбежно находится внутри текста. В результате его сознание есть тоже некая сумма текстов. Под текстом, таким образом, понимается решительно все, что порождает и воспринимает человек. Из сказанного следует, что текст – это не только вербальное образование. Этим термином можно обозначить все то, что попадает под определение знака в этом мире, будь то текст культуры, текст сознания, текст сновидения. Оснований для такого широкого применения термина "текст", как следует из предшествующего изложения, оказывается более чем предостаточно.

Распространение понятия "текст" на разные жизненные явления – это только часть вопроса. В связи с входжением в научное пространство постструктуральной парадигмы несколько изменилось представление о тексте. Если в структуральной парадигме каждый текст рассматривается как замкнутая структура, в постструктурализме текст – это открытая структура, поскольку в любом тексте обнаруживаются следы других текстов. Присутствие текста в тексте, обозначаемое термином "интертекстуальность", введенным в научный обиход Ю. Кристевой [Kristeva 1967], предполагает, что текст порождается как интертекст и он может быть понят лишь в связи с другими текстами. Поскольку текст порождается и воспринимается как интертекст, о тексте как автономном образовании не может быть и речи. Отсюда вытекает важнейший тезис постструктурализма о несамостоятельности текста.

В концепции постструктурализма текст – это не только интертекстуальная модель. У каждого текста есть "изнанка". В интерпретации В.Н. Дубровина, "этой изнанкой, определяющей все неструктурное в структуре, является чистое бытие жела-

ния" [Дубровин 2001: 69–70]. Для французского постструктурализма в лице М. Фуко [Фуко 1996] "чистое бытие желания" выражается в понятии "желание власти".

М. Фуко считает, что для каждой исторической эпохи характерна более или менее единая система знаний, образуемая из дискурсивных практик различных научных дисциплин. Согласно его наблюдениям, научные дисциплины в ту или иную эпоху поразительно обнаруживают одинаковые правила исследования и построения своих теорий, которые исследователями не осознаются (см., в частности, работу М. Фуко "Рождение клиники", в которой он прослеживает развитие медицины [Фуко 1998]). Совокупность этих правил М. Фуко обозначил термином "эпистема", которая реализуется как языковая норма, бессознательно предопределяющая мышление представителей культур. Поскольку эпистема всегда подчинена структуре властных отношений, она не может быть объективной.

Таким образом, "изнанкой" текста культуры, по М. Фуко, являются властные отношения. Удержанию власти служат средства массовой информации, находящиеся в распоряжении властных структур. Мистифицируя массовое сознание, они ведут к фундаментальной, онтологической трансформации культуры. Уничтожить жажду власти, руководимую человеком, как считает М. Фуко, невозможно, поэтому единственным противодействием является изобличение власти. Отсюда интерес исследователей к тексту, вскрытию в нем "властных мифологем" (см., например, работы Р. Барта [Барт 1989]), изучению стратегий власти в дискурсе (см., например, исследования Р. Блакара [Блакар 1987], Р. Водака [Водак 1997], Н.Л. Фэйрклау [Fairclough 1989]). Отсюда критика политической некорректности языка, особенно характерная для США, ведущая к пересмотру ряда словесных обозначений (см., например, работу С.Г. Тер-Минасовой, в которой обобщены результаты исследований в данном направлении [Тер-Минасова 2000]).

Термин "дискурс" не менее распространен, чем термин "текст" [Арутюнова 1990; Борботько 1981; Водак 1997; Макаров 1998; Мокрецова 2001; Плотникова 2000; Пушкин 1989 и др.]. Этим термином пользуются не только лингвисты, но также философы, этнографы, социологи, психологи. В.А. Канке, к примеру, отмечает, что в современной философии термин "диалектика", введенный древнегреческими мыслителями Зеноном и Сократом и означавший "искусство выяснения истины в столкновении противоположных истин", все более и более вытесняется термином "дискурс", под которым понимается "процесс получения нового знания на основе философски и научно самостоятельных суждений, представленных в языковой форме" [Канке 2001: 162–163].

Не преследуя цель рассмотрения всех возможных значений термина "дискурс", далее остановимся только на более или менее устоявшихся и получивших в последнее время широкое применение в ряде наук, и в первую очередь в филолого-лингвистических исследованиях.

Одно из значений термина "дискурс" направлено на уточнение традиционных понятий стиля и индивидуального языка. Вместо выражений типа "стиль Хемингуэя", "язык Хемингуэя", "язык политической партии" становятся привычными выражения: "дискурс малой группы" [Макаров 1998], "дискурс мемуаров" [Мокрецова 2001], "дискурс бизнес-плана" [Хобракова 2001] и т. п. При таком понимании термина "дискурс" осуществляется описание способа говорения в различных разновидностях дискурса, при этом значимость имеют не только чисто языковые черты, стилистические особенности, специфика тематики, система убеждения и т. д., а также идеологическая окраска дискурса, исходящая из разнообразных социальных институтов. Ю.С. Степанов, раскрывая понятие дискурса в рассматриваемом значении, говорил, в частности, о том, что дискурс при таком подходе представляет собой особое использование языка (например, русского) для выражения особой ментальности и особой идеологии [Степанов 1995: 38]. Несложно обнаружить связь вышеизложенного понимания дискурса с принятыми в отечественной филологии терминами: "функци-

ональные стили речи" [Брандес 1983; Разинкина 1989], "языковые стили" [Будагов 1967], а также "регистры" [Шубин 1972].

Термин "дискурс" имеет иные значения, возникшие в связи с переориентацией лингвистики на изучение связанных отрезков речи (60-е – 70-е года XX века). В исследованиях англо-американских авторов, благодаря З.С. Хэррису, который применил понятие дискурса для обозначения связанного фрагмента речи, в котором он решал проблему встречаемости морфем [Harris 1963], сразу же наметилась стойкая тенденция обозначать такие отрезки термином "дискурс".

Во французской традиции одним из первых термин "дискурс" для связанной речи употребил Э. Бенвенист, обозначив им "речевое произведение (discours), которое возникает каждый раз, когда мы говорим" [Бенвенист 1974: 312].

В ряде европейских стран на начальных этапах изучения связанных отрезков речи предпочтительным все же оказалось использование термина "текст" [Agricola 1979; Dressler 1973; Isenberg 1974; Kahlverkamper 1981; Vieweger 1978]. Подобная тенденция имела и в отечественном языкознании, обусловленная тем, что теоретики, стоявшие у истоков отечественной лингвистики текста, свой объект исследования называли текстом [Гальперин 1981; Москальская 1981; Реферовская 1983; Тураева 1986].

Сказанное не означает, что термин "дискурс" в отечественной лингвистике не употреблялся. У И.Р. Гальперина, например, при определении сверхфразового единства приводится ряд синонимов к данному термину, в число которых попадает и термин "дискурс" [Гальперин 1981: 67]. В.А. Звегинцев предпочел именно термин "дискурс" для обозначения двух или нескольких предложений, находящихся друг с другом в смысловой связи [Звегинцев 1976: 170]. В последующем в этом же значении термин "дискурс" продолжали употреблять и ряд других исследователей [Борбатько 1981; Слюсарева 1982].

То, что термин "дискурс" начал свое интенсивное шествие в отечественной лингвистике, в свое время констатировала Т.М. Николаева. Произведенный ею срез возможных значений данного термина в 1970-х годах, период его вхождения в терминологическое пространство отечественной лингвистической науки, позволил исследовательнице выделить следующие значения дискурса: 1) связный текст, 2) устно-разговорная форма текста, 3) диалог, 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу; 5) речевое произведение (письменное или устное) как данность [Николаева 1978].

Допускающий различного рода толкования, термин "дискурс" естественным образом был сразу же зачислен в разряд многозначных. В последующем ситуация не изменилась ни в зарубежной, ни в отечественной лингвистике. Для сравнения можно привести две точки зрения, относящиеся к периоду, когда термин "дискурс" уже достаточно прочно вошел в научный обиход отечественной лингвистики. У В.А. Бухбиндера [Бухбиндер 1983] и А.Н. Мороховского [Мороховский 1989] дискурс определен как связный текст. Однако далее их точки зрения расходятся. У В.А. Бухбиндера дискурсом может быть как устный, так и письменный текст. По мнению А.Н. Мороховского, на статус дискурса может претендовать только текст устной формы речи. По поводу понятия "дискурс" А.Н. Мороховский, в частности, писал следующее: "Дискурс целесообразно определить как последовательность взаимосвязанных высказываний, принадлежащих разным коммуникантам (диалог)" [Мороховский 1989: 4].

Подход, в соответствии с которым в качестве дискурса анализируется только связный звучащий текст, не является случайным. Д. Кристал, рассматривая понятие "дискурс" в историческом аспекте, связывал его появление с направлением, получившим название "дискурсивный анализ", которое концентрирует свое внимание на структуре естественно возникающего устного сообщения; при этом под дискурсом понимается непрерывный, протяженный отрезок языка в его актуальном употреблении, например, интервью, диалог, лекция и т.д. Продолжая свой экскурс в разви-

тие понятия "дискурс" в лингвистических исследованиях, Д. Кристал писал также о том, что параллельно с исследованием устной речи появляется и другое направление, известное под названием текстовый анализ или лингвистика текста и основанное на изучении особенностей организации единиц, больших, чем предложение, но, главным образом, в письменной речи [Crystal 1987: 116].

Получается, что в этих направлениях термины "дискурс" и "текст" различаются на основе противопоставления устность / письменность речи. Однако нельзя не заметить, что оба направления при различии в именовании объекта исследования, тем не менее имеют много общего: и то и другое направление имеет дело с единицей, большей, чем отдельное предложение. Иными словами, и в том, и в другом случае перед исследователем предстает связный, законченный в смысловом отношении знаковый продукт. Поэтому разграничение понятий "дискурс" и "текст" носит довольно условный характер, в результате чего термины "текст" и "дискурс" в принципе оказываются взаимозаменяемыми. Такую точку зрения высказывали лингвисты, полагавшие, что термин "дискурс" – это английский эквивалент слову "текст", а направление "дискурсивный анализ" соответствует направлению, которое получило название "лингвистика текста", т.е. разница в терминах связана с тем, что они возникли в различных научных национальных школах [Kahlverkamper 1981].

По мере накопления знаний в области изучения связных единиц речи терминологический аппарат как-то уточнялся, пересматривался. Если в 1970-х годах, как подчеркивали Ю.С. Караулов и В.В. Петров, термину "дискурс" соответствовало его понимание как связной последовательности предложений или речевых актов, то начиная с 80-х годов, под дискурсом стали понимать сложное коммуникативное явление, для понимания которого необходимо привлечение экстралингвистических факторов (знания о мире, мнения, установки, цели адресата) [Караулов, Петров 1989: 6]. Заметим, что в этом же смысле оказался использованным и термин "текст" [Дридзе 1984; Каменская 1990; Шабес 1989].

В настоящее время понимание дискурса как сложного коммуникативного явления свойственно многим современным исследователям. Приведем, к примеру, точку зрения Т.А. ван Дейка по поводу интерпретации понятия "дискурс" в этом ракурсе. Заметим, что его понимание дискурса не всегда было устойчивым, со временем оно как-то уточнялось, что представляется естественным, поскольку с каждым новым этапом в изучении речевого образования любому исследователю приходится как-то адаптировать понятийный аппарат к изменившимся условиям.

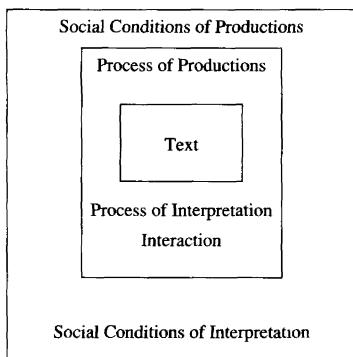
В одной из своих поздних работ термин "дискурс" по сложности его определения был поставлен Т.А. ван Дейком в ряд с такими понятиями, как "язык", "коммуникация", "взаимодействие", "общество", "культура". Начинать интерпретацию данного понятия следует с утверждения о том, что дискурс – это использование языка, хотя, как подчеркивает исследователь, эта формулировка ясного представления о том, что такое дискурс, еще не дает, а только ограничивает лингвистическую интерпретацию данного понятия от его интерпретаций в других дисциплинах. Более точная формулировка, раскрывающая суть дискурса, по Т.А. ван Дейку, состоит в том, что дискурс – это коммуникативное событие (*communicative event*). Как коммуникативное событие, дискурс не мыслим без участников общения, что предполагает их взаимодействие (интеракцию) в социальных ситуациях. Поскольку дискурс – это коммуникативное событие, то в нем задействованы не только язык в его актуальном употреблении, а также те ментальные процессы, которые непременно имеют место в процессе коммуникации [Dijk 1997: 1–3]. Следует особо подчеркнуть, что Т.А. ван Дейком высказывается точка зрения о том, что актуальное употребление языка, а, следовательно, и понятие дискурса не ограничено исключительно сферой устной речи. Для распространения понятия дискурса на письменный текст аргументов оказывается предостаточно: письменный текст – это произведение речевого, есть участники, находящиеся во взаимодействии; порождение и восприятие письменного текста невозможно без ментальных процессов и социального контекста. Безусловно, своя

специфика здесь имеется, проистекающая из особенностей письменной речи. Задача как раз и состоит в том, чтобы изучить эту специфику [Dijk 1997: 3–5].

Возможность использования понятия "дискурс" как к устному, так и письменному тексту ставит вопрос о соотношении понятий "дискурс" и "текст". Т.А. ван Дейк в более ранней работе говорил о том, что дискурс – это актуально произнесенный текст: текст – это абстрактная грамматическая структура произнесенного; дискурс – это понятие, относящееся к речи, текст – это понятие, касающееся системы языка [Дейк 1989]. Иными словами, текст и дискурс здесь соотнесены точно также, как и предложение и высказывание.

В понимании Е.С. Кубряковой и О.В. Александровой, "под дискурсом следует иметь в виду когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения, текст же является конечным результатом процесса речевой деятельности, выливающимся в определенную законченную (и зафиксированную) форму. Такое противопоставление реального говорения его результату помогает понять и то, в каком смысле текст может трактоваться как дискурс: только тогда, когда он реально воспринимается и попадает в текущее сознание воспринимающего его человека. Точно так же верно и обратное, когда мы наблюдаем за созданием текста, состоящего из последовательности предложений, связанных по смыслу, обладающих внутренней грамматикой, имеющей прагматическую установку и содержащих элементы, выполняющие функцию воздействия". Е.С. Кубрякова и О.В. Александрова подчеркивают, что дискурс следует рассматривать как "явление процессуальное, деятельностное, т.е. как синхронно осуществляемый процесс порождения текста или же его восприятия (говорение, сказывание и т.д.)" [Кубрякова, Александрова 1997: 19].

Такое разграничение понятий "дискурс" и "текст" звучит достаточно убедительно, хотя М.К. Бисмалиева в своей статье, посвященной анализу понятий "текст" и "дискурс", не могла не указать на следующий очевидный факт: «исследователи нередко, оперируя понятием "текст", рассматривают языковой отрезок текста как динамически развивающийся» [Бисмалиева 1999: 82]. Приведем еще одну точку зрения по поводу установления соотношения между понятиями "текст" и "дискурс", принадлежащую Н.Л. Фэйрклау и во многом сходную с изложенным выше разграничением данных понятий в толковании Е.С. Кубряковой и О.В. Александровой. Н.Л. Фэйрклау соотношение понятий "текст" и "дискурс" представляет при помощи следующей схемы:

Текст есть продукт процесса порождения и интерпретации. Дискурс представляет собой динамический процесс, частью которого является текст. Таким образом, анализ текста – это есть лишь часть анализа дискурса. Кроме анализа текста, дискурс

включает социальные условия, которые предопределяют порождение и восприятие текста, ментальные процессы и т.д. [Fairclough 1989 24–25]

Итак, в результате рассмотрения понятия дискурса вырисовывается довольно пестрая картина, свидетельствующая о том, что однозначного толкования данного термина, как, впрочем, и текста, не существует. Однако понимание дискурса как сложного коммуникативного события при лингвистическом подходе (как сложного семиотического события – при широкой трактовке понятия "текст") становится более или менее устойчивым на настоящем этапе развития науки, как и различение понятий "дискурс" и "текст". Текст (вербальный или невербальный) рассматривается лишь как часть дискурса, его знаковый продукт.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арнольд 1999 – *И В Арнольд* Семантика Стилистика Интертекстуальность СПб, 1999
Арутюнова 1990 – *Н.Д. Арутюнова* Метафора и дискурс // Теория метафоры М, 1990
Барт 1989 – *Р. Барт* Избранные работы Семиотика Поэтика М, 1989
Барт 1994 – *Р. Барт* S/Z М, 1994
Бахтин 1986 – *М.М. Бахтин* Эстетика словесного творчества М, 1986
Бенвенист 1974 – *Э. Бенвенист* Общая лингвистика М, 1974
Бисималиева 1999 – *М.К. Бисималиева* О понятиях 'текст' и 'дискурс' // Филологические науки 1999 № 2
Блакар 1987 – *Р. Блакар* Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия М, 1987
Борботько 1981 – *В.Г. Борботько* Элементы теории дискурса Грозный, 1981
Брандес 1983 – *М.П. Брандес* Стилистика немецкого языка М, 1983
Будагов 1967 – *Р.А. Будагов* Литературные языки и языковые стили М, 1967
Бухбиндер 1983 – *В.А. Бухбиндер* О предмете текстуральной лингвистики // Проблемы текстуральной лингвистики Киев, 1983
Водак 1997 – *Р. Водак* Язык Дискурс Политика Волгоград, 1997
Гальперин 1981 – *И.Р. Гальперин* Текст как объект лингвистического исследования М, 1981
Горелов, Седов 1997 – *И.Н. Горелов К.Ф. Седов* Основы психолингвистики М, 1997
Дейк 1989 – *Т.А. ван Дейк* Язык Познавание Коммуникация М, 1989
Делез, Гваттари 1990 – *Ж. Делез Ф. Гваттари* Капитализм и шизофрения Анти-Эдип М, 1990
Деррида 2000а – *Ж. Деррида* О грамматиологии М, 2000
Деррида 2000б – *Ж. Деррида* Письмо и размышление М, 2000
Дридзе 1984 – *Т.М. Дридзе* Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации Проблемы семиосоциопсихологии М, 1984
Дубровин 2001 – *В.Н. Дубровин* Постструктурализм // Философия Краткий тематический словарь Ростов-на Дону, 2001
Звегинцев 1976 – *В.А. Звегинцев* Предложение и его отношение к языку и речи М, 1976
Ильин 1998 – *И.П. Ильин* Постмодернизм от истоков до конца столетия эволюция научного мифа М, 1998
Каменская 1990 – *О.Л. Каменская* Текст и коммуникация М, 1990
Канке 2001 – *В.А. Канке* Философия Исторический и системный курс М, 2001
Караулов Петров 1989 – *Б.С. Караулов В.В. Петров* От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Т.А. ван Дейк Язык Познавание Коммуникация М, 1989
Карнап 1959 – *Р. Карнап* Значение и необходимость Исследования по семантике и модальной логике М, 1959
Кассирер 1983 – *Э. Кассирер* Опыт о человеке Введение в философию человеческой культуры // Проблемы человека в западной философии М, 1983
Кожина 1983 – *М.Н. Кожина* Стилистика русского языка М, 1983
Кравченко 2001 – *А.В. Кравченко* Знак Значение Знание Очерк когнитивной философии языка Иркутск, 2001
Кубрякова, Александрова 1997 – *Е.С. Кубрякова О.В. Александрова* Виды пространств текста и дискурса // Категоризация мира пространство и время М, 1997
Лотман 1999а – *Ю.М. Лотман* Беседы о русской культуре Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) СПб, 1999

- Лотман 1996 – Ю М Лотман Внутри мыслящих миров Человек – текст – семиосфера – история М, 1999
- Макаров 1998 – М Л Макаров Интерпретативный анализ дискурса в малой группе Тверь, 1998
- Мокрецова 2001 – Н М Мокрецова Схематизм дискурса мемуаров // Языковая реальность познания Вестник ИГЛУ Сер Лингвистика Иркутск 2001 № 3
- Мороховский 1989 – А Н Мороховский К проблеме текста и его категорий // Текст и его категориальные признаки Киев, 1989
- Моррис 1983 – Ч Моррис Основания теории знаков // Семиотика М, 1983
- Москальская 1981 – О И Москальская Грамматика текста М, 1981
- Николаева 1978 – Т М Николаева Краткий словарь терминов лингвистики текста // Новое в зарубежной лингвистике М, 1978 Вып VIII
- Плотникова 2000 – С Н Плотникова Неисскранный дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах) Иркутск, 2000
- Пушкин 1989 – А А Пушкин Прагматические характеристики дискурса личности // Лингвистические аспекты языкового общения Калинин, 1989
- Разинкина 1989 – Н М Разинкина Функциональная стилистика М, 1989
- Реферовская 1983 – Е А Реферовская Лингвистические исследования структуры текста Л, 1983
- Сакун 2001 – Ю П Сакун Культурные символы // Философия Краткий тематический словарь Ростов-на-Дону, 2001
- Слюсарева 1982 – Н А Слюсарева Лингвистика речи и лингвистика текста // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста М, 1982
- Соссюр 1977 – Ф де Соссюр Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию М, 1977
- Степанов 1995 – Ю С Степанов Альтернативный мир, дискурс факт и принцип причинности // Язык и наука конца 20 века М, 1995
- Тер-Минасова 2000 – С Г Тер Минасова Язык и межкультурная коммуникация М, 2000
- Тураева 1986 – З Я Тураева Лингвистика текста (Текст структура и семантика) М, 1986
- Успенский 1995 – Б А Успенский Семиотика искусства М, 1995
- Флоренский 2001 – П А Флоренский Иконостас М, 2001
- Фрейд 1990 – З Фрейд Психология бессознательного М, 1990
- Фуко 1994 – М Фуко Слова и вещи Археология гуманитарных наук М, 1994
- Фуко 1996 – М Фуко Воля к истине По ту сторону знания, власти и сексуальности М, 1996
- Фуко 1998 – М Фуко Рождение клиники М, 1998
- Хализев 2000 – В Е Хализев Теория литературы М, 2000
- Хобракова 2001 – Л М Хобракова Оценочность в дискурсе бизнес-плана // Вопросы языковой политики и языкового планирования в условиях информационного общества Иркутск, 2001
- Хэллидей 1980 – М А К Хэллидей Лингвистическая функция и литературный стиль // Новое в зарубежной лингвистике М, 1980 Вып IX
- Шабес 1989 – В Я Шабес Событие и текст М, 1989
- Шубин 1972 – Э П Шубин Языковая коммуникация и обучение иностранным языкам М, 1972
- Юнг 1997 – К Г Юнг К вопросу о подсознании // К Г Юнг, М -Л фон Франц, Дж Л Хендерсон, И Якоби, А Явве Человек и его символы М, 1997
- Agricola 1979 – E Agricola Textstruktur Textanalyse Informationen Kern Leipzig, 1979
- Crystal 1987 – D Crystal The Cambridge encyclopedia of language Cambridge, 1987
- Dijk 1997 – T A van Dijk The Study of discourse // T A van Dijk (ed) Discourse as structure and process Discourse Studies A multidisciplinary introduction V I London, New Delhi, 1997
- Dressler 1976 – W Dressler Einführung in die Textlinguistik Tübingen, 1976
- Fairclough 1989 – N L Fairclough Language and power London, New York, 1989
- Fairclough 1995 – N L Fairclough Critical discourse analysis Papers in the critical study of language London, 1995
- Isenberg 1974 – H Isenberg Texttheorie und Gegenstand der Grammatik Berlin, 1974
- Harris 1963 – Z S Harris Discourse analysis Mouton, 1963
- Kahlverkamper 1981 – H Kahlverkamper Orientierung zur Textlinguistik Tübingen, 1981
- Kristeva 1967 – J Kristeva Bakhtine, le mot, le dialogue et le roman // Critique Paris, 1967 № 23
- Kristeva 1978 – J Kristeva Desire in language A semiotic approach to literature and art New York, 1978
- Lacan 1977 – J Lacan Ecrits A selection London, 1977
- Peirce 1960 – Ch S Peirce Elements of logic // Collected papers of Ch S Pierce V 2 Cambridge (Mass), 1960
- Vieweger 1978 – D Vieweger Struktur und Funktion nominativer Kette im Text // Kontexte der Grammatiktheorie / W Motsch (Hrsg) Berlin, 1978